

Вторая мировая война

Белорусы, украинцы, русские в видении шуцмана и легионера

Янис Зариньш, «Годы зарниц» («Kāvu gadi»),
(Изд. «Vaidava», 1971)

Борис Инфантьев

Три увесистых, изданных в Америке тома, описывающие беспрерывные пьянки, безудержный секс, возведенный в ранг «стакана воды»... И в промежутках — правдивые зарисовки тех роковых сороковых годов, когда небо смешалось с землей и понятия человечности, любви и всепрощения, казалось, утрачены навеки... Но пусть читатель сам делает выводы из публикации — свидетельства, на мой взгляд, важного и для историка, и для этнопсихолога, и для моралиста, и, наконец, для христианина.

Книга I. Белоруссия, Украина.

Стр. 143.

Следует отметить, что в русских маленьких городишках очень трудно ориентироваться. Если дома строятся сызнова, то их строят по той же самой схеме и красят в тот же цвет, как и у соседей. Нумеруются дома теми же цифрами, что и у соседних домов, только посередине ставится тире. Если этого не знать, то трудно отыскать нужное место.

Стр. 144.

В русском обществе еще существуют старые обычаи: нельзя снимать верхнюю одежду, пока хозяйка не попросила снять пальто. Снять преждевременно пальто означало, что у нас не хватает хороших манер. Познакомившись с Дзегузе и Меллисом, хозяйка попросила нас раздеться.

Медленно мать подошла ко мне: «Где же господин лейтенант? Он был хорошим парнем: не был скупым, как обычно немцы». Когда я сказал, что лейтенант убит, произошло что-то такое, чего я никоим образом не ожидал. Мать схватила голову руками и начала громко плакать, иногда призывая Бога, иногда выдавая по сочному русскому ругательству. Видя эту сцену, мы стояли и смотрели на

плачущую женщину с удивлением, широко раскрыв рты: «Мои дети еще спят, — говорила она. — Вчера приходили несколько немецких железнодорожников. И мы попозже погуляли». Когда мать ушла, мы пришли в себя. Начали почти что громко смеяться. Все увиденное казалось совершенно чуждым. Мы не могли даже подумать, что военного, притом еще из враждебной страны, которого она всего лишь несколько раз видела, женщина может так сердечно оплакивать. Были готовы уже вытаскивать приобретенные в «Золдатенгейме» припасы. Мать уже успела дочкам рассказать о трагической смерти лейтенанта. Все три вскочили и начали орать как резаные. Я бросился к Тамаре и Марусе и попробовал их успокоить. Это не удалось. Все беспрерывно продолжали орать так громко, что нам уже стало страшно.

Казалось, что они друг друга в крике стремятся пересилить.

Через полчаса этого крика мать скомандовала «хватит», и, как по приказу, все три прекратили орать. Вытирая слезы, Тамара сказала: «Пойду поставлю чай. Ведь нам надо чем-нибудь угостить». Опять мы удивлены: после такого страшного плача мать с дочками действовали так спокойно, как будто ничего не произошло. Если бы все произошедшее мы не видели своими глазами, трудно было бы поверить, что если бы нам кто-либо о таком рассказал, что такие дела на свете могут происходить. Когда мы вытаскивали водку, сигареты и консервы, Маруся тянулась к ним так уверенно, как будто уже заранее знала, что мы принесли, или что будто она все это заказала. Когда все три русские пропали в кухне, Дзегузе сказал: «Да, нам непонятен характер русских женщин. Не могу еще постичь уви-

денного. Казалось, что они играют театр, повторяют то самое, что они играли сто раз. И в то же время казалось, что лейтенанта они оплакивали от чистого сердца». Чем больше будем в этой стране, тем лучше начнем понимать, почему почти у всех наших генералов и высших офицеров жены были русские. В нашей компании все три были красавицы. Дочки принесли рюмки и посуду. В их глазах не было ни одной слезинки, они блестели как у кошек, которые смотрят в потемках на свои жертвы. Тамара уселась мне на колени и, глядя волосы, спросила, где я все это время пропадал и что пережил. Почему не приходили раньше. Они так меня ждали. Ничего другого не оставалось, как вкратце рассказать о нашем перемещении. Чтобы завершить этот неинтересный разговор, спросил у Тамары, «Разве же у вас за это время ни одного другого не было?» — «Как же не было? Было много. Мы же женщины. Нам некогда ждать. Жизнь коротка, и следует брать от нее, что она дает. Нам с сестрой еще ничего. А мама должна поторопиться. У нее этих годов не так много осталось, когда мужчины на нее будут смотреть», — Тамара сказала это с такой серьезностью, что у меня мурашки побежали по спине, ибо такого цинизма до сих пор нигде я не видывал.

Стр. 146.

Мать с Марусей развлекали Дзегузе и Меллиса. С каждым выпитым стаканом веселье увеличивалось. Когда мы насытились и напились, русские принесли патефон. Попеременно пили, закусывали, танцевали и пели русские песни. До тех пор ни одной русской песни я не знал. С каждой пропетою песней медленно начинал ее усваивать. Дзегузе и Меллис в отношении песен были мастера. Когда часы показали двенадцать, мать всем скомандовала спать. Сама взяла за руку Меллиса, Маруся — Дзегузе, а меня, близко прижавшись, повела Тамара. Я попробовал уверить Тамару, что прошлый раз я спал с Марусей, но она рукой мне зажала рот и сказала: «Это было в прошлый раз. Это давно было. Прошлое не надо вспоминать. Этой ночью ты будешь спать со мной. Когда придешь в следующий раз, дадим тебе мать». У меня не было, что ответить. Чувствовал себя, как самый большой дурак на свете, каким был, как десять лет назад, когда приехал в Ригу.

На следующее утро нас своевременно

подняла мать. Она угостила нас чаем и проводила как родных, которые приехали издалека проводить своих родственников.

Стр. 152.

Белоруссия была одной из тех республик, где перед войной больше всего было коммунистов. Объясняется это тем, что белорус всегда и во все времена по природе своей был ленивым. Поля здесь разрабатывали женщины и подростки. Мужчины старше 30 лет целый день могут сидеть на печи, или пить горелку (самодельную водку), обычно изготовленную из картофеля, или играть в стукалку. Когда я однажды у молодой белоруски спросил: «Чего вы этого старика держите у себя? Пошлите его работать», — она мне ответила: «Да, было бы хорошо, но нашим мужчинам работа не нравится. Если я его прогоню, он уйдет к другой. Ведь нам нужна любовь, женщинам». Теперь понимаю. В Белоруссии женщин было вдвое больше, чем мужчин, ибо мужчин призывали на военную службу, на войну, на трудовую повинность, а женщины всегда оставались дома.

Ленивый белорус, передавая государство коммунистам, был первым, кто желал высоких мест и с радостью участвовал во всех бесчинствах коммунистов, чтобы только самому не надо было работать. Патриотизма и человеческих чувств белорус давно уже не знает. Если когда-то эти чувства у них и существовали, то теперь они полностью забыты. Этим бородатым русачкам было совершенно безразлично, кто над ними господствует. Главное, что его привлекало то обстоятельство, что коммунисты разрешали им лентяйничать, пить горелку и пороть жену, если она его хорошо не обеспечивает. Самым большим их врагом во все времена была работа. Поэтому некогда Петр Великий больше всего заботился о том, как этих бородатых из Минска и Бережны научить работать. Однажды я спросил у одного из деревенских старшин: «Чего желают русские от будущего?» — «Ничего. Единственное, чего мы требуем, — чтобы нас оставили в покое и разрешили полную свободу».

Несмотря на ленивость и боязливость белоруса, он всегда был отзывчив на пропаганду. Хорошим уговором у этих бородачей можно было гораздо большего добиться, чем грубой силой, ибо они всегда охотно принимали что-либо без труда и работы. Первой ошибкой

немцев было то, что они не пытались познать психологию белорусов и не умели использовать их слабости для своих целей, в то время как коммунисты это понимали, и их удачи, разумеется, были неожиданно успешными. По ночам коммунисты засылали в деревни своих агентов, которые говорили захватывающие речи, давали по бутылке водки и пачке папирос — и успехи были гарантированы. Немцы, не зная русского языка, в самоуправлении обычно назначали таких, которые работали с переводчиками, а те были по большей части выбраны из среды русских. Коммунисты это обстоятельство быстро учли, из Москвы присылали по-большевистски подготовленных переводчиков. Эти коммунистические переводчики-агенты переводили не так, как полагалось, а как это было выгодно Москве. Вместе с такой формой перевода они часто добивались, что сторонники немцев — биргермейстеры, которые во многих случаях свой здравый разум сохраняли еще со времен господства русской аристократии, часто оказывались поротыми и расстреливались. Разумеется, жители деревень и городов, видя такие дела, смотрели на немцев с возмущением и удивлением, видя, что, помогая немцам, они подвергались за это наказаниям. И люди становились совершенно равнодушными ко всему, что происходит, или обращались к пропаганде партизанщины.

Стр. 154.

Чтобы не ослабело противостояние русских чиновников и немецких чиновников, к ним прикомандировывали самых красивых русских девушек, которые держали немцев в своих объятиях и отбирали у них любые сомнения в преступной деятельности русских.

Стр. 171.

Теперь, видя, что мы прибыли и расположились в городе, русские люди думали, что мы здесь останемся на продолжительное время. Жители города от этого были в восторге.

Стр. 192.

Украинки сильно отличаются от белорусок, они по большей части были с темными волосами и карими глазами. Эти же [белоруски] — по большей части, блондинки с синими и зелено-серыми глазами. И в отношении одежды они отличаются от белорусок. Если у тех девушек обычная одежда — фуфайка и валенки, нестриженные волосы, то теперь перед нами стоят хорошо одетые, причесанные,

более чистые женщины.

Стр. 221.

...Но скоро мы увидели толпу военнопленных, которых взяла передовая группа. Они после предупреждающего выстрела побросали оружие и сдались. Оказалось, что они не были атакующими частями — это были перебежчиками, которые, пользуясь темнотой, убежали из могучей Красной армии и заблудились.

Военнопленных отправили в штаб, и скоро их прибрала немецкая жандармерия, которая уже спустя полчаса была тут как тут. В то самое время показались толпы беженцев. Это украинцы, бегущие из прифронтовой полосы. Все они так сильно напуганы, что ничего больше не могут рассказать, а только стонут, что бой смертелен. Наконец, некий офицер Красной армии, который оказался среди беженцев, рассказывает, что русские окружены и немцы бьют их на земле и в воздухе, и ему показалось лучшим драпануть, чтобы остаться в живых.

Потоки беженцев с каждым днем увеличиваются, и теперь у нас, кроме обязанностей рытья окопов, есть обязанности по охране, чтобы беженцы чрезмерно не скапливались в одном месте, чтобы не происходило краж и грабежей. Жители деревни, видя, что мы их охраняем, становятся более дружественными и несут нам хлеб, картошку и другие продукты питания, чтобы тем самым подтвердить свое доверие и благодарность.

На четвертый день после начала битвы прибывают первые колонны военнопленных. Их отдают нашему батальону — доставить в городок Пачку. Определяются две группы военных, которые поведут эту колонну военнопленных в 500 человек. На следующий день опять приходят три колонны, и через два дня уже весь батальон включен в пересылку военнопленных. Если раньше военнопленных сопровождали две группы, или полувзвода военных, то теперь эту работу выполняет одна группа. Так как военнопленных появляется все больше и больше, количество сопровождающих следует уменьшить, и на шестой день отдается приказ мне одному вести 200 военнопленных. Взятые в первые дни выглядели еще довольно свежими, но взятые позже с каждым днем все больше кажутся усталыми — это масса голодных людей, лица которых бледны и напоминают скелеты. Я определил

одного более сильного военнопленного руководителем в конце колонны, и сам иду за ним. Идем один час, семь минут отдыхаем. Первый отдых происходит на краю запаханного поля, а второй у поля арбузов. Проголодавшиеся военнопленные бросились на арбузное поле и глотают, захлебываясь, сочный украинский фрукт. Я ничего не говорю, только смотрю. Если бы и попытался что-либо сделать, все равно не помогло бы, и поэтому даю более продолжительное время на отдых, чтобы военнопленные могли больше наесться и удовлетворить голод. После отдыха колонна движется гораздо интенсивнее и до следующего места отдыха пройдет пять километров. Высчитываю, что еще идти 17 километров, и поэтому говорю вожажу, что надо поторопиться, ибо хочу дотемна дойти до конечной цели. На этот раз мой расчет оказывается неверным. Пустые животы военнопленных, заполненные арбузами, не выдерживают, и уже на последующих двух километрах многие выпадают из строя с поносом. До следующего места отдыха почти половина сидит на обочине дороги, и еще через одну паузу для отдыха руководимая мною колонна полностью расстроилась. Чтобы не попасть в неприятности, решаю ждать. Проходит примерно два часа, пока все собрались, но и вечер уже наступает. Хотя Пачку уже можно видеть, все же силуэт города исчезает, и теперь я знаю, что идти невозможно, ибо можно легко заблудиться. Остаться на месте могло означать, что военнопленные меня убивают и сами разбегаются. Это означало неприятности всему нашему батальону. Отхожу на двадцать метров от колонны и даю вожажу команду оставаться на месте. Вожак приказ выполняет, а я в потемках ничего не вижу и не знаю, что военнопленные делают.

Вожак приходит ко мне, и мы разговариваем. Он рассказывает, что был танкистом, что танк подбит, но он успел своевременно выскочить и спастись. Насколько он знает, русские окружили четыре немецкие армии, но потом немцы, в свою очередь, окружили их, и происходит полное уничтожение русских частей. Кто еще сражается — это соединения НКВД и отдельные политруки.

— А среди вас политруков нет? — спросил я у вожака.

— Кажется, что нет. Есть, правда, несколько офицеров. Политруки или еще сражают-

ся или наложили на себя руки. Некоторых ликвидировали наши сами. Мы ведь не хотим сражаться, ведь не за что. Но слышны и страшные дела — как немцы обходятся с теми, кто сдались, поэтому никто больше с охотой не сдается. Разумеется, в данном случае у нас не было другого выхода — либо пасть, либо сдаться.

Поэтому, поймите, почему мы все такие спокойные, и вы один можете отвести колонну. Если бы мы, наоборот, решили бы сражаться, то уже при первом отдыхе вас уже не было бы в живых, и мы были бы на свободе.

— Да, но куда бы вы пошли? Рано или поздно вас поймали бы, ибо весь этот округ полон немецких военных, — стремлюсь военнопленному втолковать.

— Правильно, нас поймали бы, но вас больше не было бы в живых, и это все. Не беспокойтесь, никто вам ничего не сделает. Можете спокойно отправиться спать. Я знаю настроение этой колонны. Это военнопленные кавказской дивизии, они надеются быть освобожденными и вернуться домой.

Стр. 225.

Вернувшись обратно в батальон, я почувствовал, что атмосфера изменилась. Русские, которые поначалу, когда мы появились в деревне, были очень сдержанными, теперь, видя, что победа на стороне немцев, стали очень любезны. Солдаты разбрелись по деревне и любят с украинскими красавицами.

Книга II

Стр. 12.

В старой русской армии солдат обучали веником, — серьезно говорит старый военный («сено-солома»). Вот почему русские в первую войну терпели такие большие потери. Не думаю, что и в этой войне их потери будут меньше. У русских были большие потери, но не у нас, латышей. Я сам в стрелковых полках обучался вениками, но наши потери были минимальны. Я говорю здесь не о латышах, а о русских. К русскому как военному у меня никогда не было уважения, тем более теперь, когда так много увидел! К русским у меня не было уважения с Первой мировой войны. Ванька глуп и труслив. Если бы мы, латыши, не мешали немцам, немец давно уже был бы в Москве.

Стр. 91.

Сила огня этого оружия разрушила русскую мораль, и через месяц армия Власова

сдалась в плен и полностью капитулировала. Сам генерал Власов сдался в плен, выйдя из бункера с белым знаменем в руках и со словами: «Не стреляйте: я генерал Власов».

Стр. 121.

Окружили помещение так называемой тюрьмы и одну группу послали к стражам ворот. Русские были застигнуты врасплох и не оказали никакого сопротивления. Мы кричали, чтобы они сдались, а они — нет. Позднее оказалось, что политрук им не позволил сдаться, пока самого не убили. Когда вошли в тюрьму, трупов там было много. Военнопленных не могли увезти, ибо ни одного здорового русского не было. Тяжело раненых оставили, ибо они не были способны пересечь озеро пешком, а подводы мы не могли раздобыть. Если бы были подводы, не было бы уверенности, что лед их выдержит.

Стр. 245.

Дядя опять начинает свою излюбленную тему России. Понятно: там прошли его лучшие годы жизни. Хотя тогда были царские времена, а теперешний русский выучен и отполирован в коммунистической машине.

После разговоров пришли к выводу, что русский как человек много не изменился.

Русский, по сравнению с латышом, гораздо ленивее, поверхностнее и нечистоплотнее. Если у нас, латышей, кое у кого тоже есть плохие качества, то, кажется, в этом виноват тоже русский, который свою «культуру» — ею русский всегда хвалился — притащил в нашу страну. Дядя продолжает: латыши часто привыкли русского характеризовать как задушевного человека. Кажется, это только для того, чтобы оправдать довольно частую женитьбу латышей на русских, что делают наши директора и генералы, и более мелкие людишки, которые, воюя или работая в России, женились на русских. Естественно, что слово «душа», очень звучное и психологически воздействующее слово. Все же за те долгие годы, которые провел дядя в России, так называемую «душу» он не видел. «Ты, теперь воюя, заметил?» — «Нет, дядя, я такой нигде не видел. Украинцы, может быть, некоторым образом, задушевнее, но русский груб, как пакляной мешок». Таких же мыслей о русских и я. Разумеется, я встречал очень сердечных и умных индивидов в России, но это еще не дает общую характеристику русского народа. Хорошо помню: таких навязчивых

женщин, какие в России, я не видывал нигде в других местах, где бывал — в Германии, Финляндии, Эстонии и Литве. Эта навязчивость у всех русских женщин — как у образованных, так и у простого народа. Так я никогда не мог отличить разницу между богатыми и бедными. Эта навязчивость была причиной, почему многие латыши в России женились на русских.

— Русский мужчина невежливый, грубый и невиданно ленивый. Эту характеристику можно дать в обычной плоскости. Тогда, в военное время, русский целый день любил лежать на печи, в то время как жена работала. Мужчины высших кругов опять-таки любили гулять, любоваться с другими женщинами, сидеть уже с раннего утра в трактире и делать долги, если только был кто-нибудь, кто им давал займы. Таким образом, все мужчины того времени были в долгах по горло. Часто из-за долгов чиновники были вынуждены терять свои места и садиться в тюрьму. Так называемая каторга была не только для политических преступников, но и для преступников из высших кругов и растратчиков, которых из-за их высокого положения в обществе не садили в общие тюрьмы.

— Да, дядя, что касается женщин, то я таких же мыслей о русских, что и ты. Русский мужчина в деревнях — тот же тип, как ты его только что охарактеризовал: ленивый, хитрый, нечистоплотный. Высшего русского общества я не видел. У русских теперь это только большевистские круги

В Латгалии

Стр. 343.

Вчера от охранника узнал, что здесь многие следуют русским обычаям. Я, правда, побывал в Белоруссии, но это иное дело. Там, как во вражеской стране, никаких впечатлений не прибавил. Русские обычаи знаю очень хорошо, но, кажется, что казарменный страж тебе наврал. «По всем законам, в Виляни католический округ. Значит, дело будет с латгальцами, а не с русскими», — возражает мне ротник.

Стр. 361.

Не знаю, правильно или нет, что немцы этих русских убрали из пограничной зоны. Одно ясно, что эти русские больше симпатизировали большевикам, чем немцам. И во времена Латвии они много головной боли доставляли Улманису. У некоторых этих рус-

ских были хорошо поставленные хозяйства, но большей частью они были ленивы и не хотели работать. Из этих происходили прославленные по всей Латвии команды канавокопателей. Когда придете туда, сами увидите, что русский у нас такой же, как в России.

Стр. 362. В деревне Кузнецово.

Все эти деревни пусты. Оборудованы жилые помещения так же, как в России. Весь дом — одно помещение, в котором в одном углу под печкой, как можно еще видеть по помету, держались куры. Были ли вообще кровати и столы, этого определить невозможно. Может быть, русские, переселяясь, взяли их с собою.

Стр. 363.

Когда цепь наших солдат приближается к Росице из лесу, в местечке начинают звонить колокола; этот звон сообщает, что мы приближаемся к Росице. Позднее, когда звон повторяется слишком часто, становится ясно, что священник посылает кодированное сообщение о нас партизанам. Расспросив жителей и священника, выясняем, что священник — чекист, который совсем недавно сброшен с парашютом. Его забрала немецкая СД, которая следует за нами по пятам.

Стр. 364.

В панике убегая, партизаны убили много жителей.

Стр. 365. Сброшенная парашютистка

— Прозит, — говорит женщина и выпивает рюмку, затем, по обычаю, переворачивает рюмку, показывая: стакан пуст, и затем начинает по-немецки, — Мое имя Нина.

Вижу, что вы не такие ужасные, какими немцев считают в Москве. Я приготовилась, что вы меня застрелите. Не представляла, что вы поступите так, как поступили. Теперь у меня на уме другая мысль. Что бы вы сказали, если бы я повернулась к коммунизму спиной и перешла на немецкую службу? Вы думаете, что это возможно? — и она смотрит мне в глаза.

— Возможно. Но это не зависит от меня. Если таково ваше убеждение, а не хитрость, то позднее, когда настанет день, постараюсь это дело уладить. Теперь пойдем спать.

Говорю с адъютантом о Нине. Скрываю от адъютанта ее нападение на дежурного. Не знаю, почему, но на этот раз хочется Нине помочь. Говорю: если мы ее отдадим в распоряжение СД, то ей крышка. Ее расстреляют на месте. Адъютант рассказывает, что все жен-

щины из деревни будут посланы на работу в Германию, советует и Нину отправить. Нина слушает внимательно, но когда советую записаться добровольно, то она говорит ясно:

— У меня как у русской есть своя гордость, чтобы проситься у немцев на работу. Нет! И еще раз нет! Пусть все нити рвутся. Это мне не позволяет моя гордость, — отрезала она сердито.

Стр. 367.

Остальные женщины приходят с плачем, а некоторых жандармы вносят в машину.

— Это выглядит как вербовка рабов, — видя все это, говорит капрал Симанис.

— Может, это действительно так. Но что делали русские 14 июня 1941 года? — отвечаю Матису.

— Так оно так. Данные против данных.

Стр. 372.

— Это свинство! Если СД трогает мирных жителей! Также не вижу никакой пользы сжигать деревню. Скоро весна, партизанам, так или иначе, будет конец, — добавляет лейтенант Грузис. Через некоторое время вбегает несколько женщин и, бросившись на пол, крестятся и во весь голос причитают.

— Немцы взяли наших детей и всех жителей деревни, согнали в одно помещение и затем их расстреляли. Пожалуйста, будьте так добры и во имя Господа, спасите нас!

— Это же что-то невыносимое! Разве еще более сумасшествия они могут сделать!

Затем велю встать и говорю, чтоб спрятались за печку.

— Надеюсь, что СД сюда не придут, а если придут, то скажем, что здесь никого нет. Надо полагать, что они отправятся дальше, — поясняю я.

Когда выходим на улицу, кто-то из СД бежит нам навстречу и кричит: «Прочь с дороги или будем стрелять!» Бросаемся к ротнику, докладываем ситуацию. Берем автоматы, идем на улицу. Когда страж СД видит нас приближающимися, он опять кричит, чтоб исчезли с улицы, иначе он будет стрелять.

— Можете стрелять, тогда ваш труп будет сожжен вместе с теми русскими, которых вы уже сжигаете, — говорю я, проходя мимо постового.

В конце улицы действительно горит один дом. Когда подходим ближе, запах жареного мяса лезет в нос. Чувствую, что у меня в животе начинаются боли. Бренгулис говорит:

— Знаете, фрицы вывели всех женщин и детей из дома, согнали в здание, застрелили, облили бензином и зажгли. Боже мой, разве этот поступок останется всему миру неизвестным? Если бы я знал, то никогда не пошел бы воевать, лучше бы убежал в лес.

Но тогда в моем сознании возникали жертвы в Балтэзерсе, расстрел офицеров в Литене, стоны увозимых 14 июня. Перед глазами погреб Столбовой улицы. Также вспомнил Смоленск, Александрию и другие места в России, где на каждом шагу были видны страшные дела чекистов.

Стр. 374.

Обе женщины спрятались в уголок и наблюдали за нами. Они видят наше волнение. Хотя они не понимают наши слова, все же они чувствуют, что мы против ненужных убийств. Однако женщинам надо что-нибудь дать поест.

Подхожу к обеим женщинам и говорю, пусть что-нибудь поедят. Вижу, что они еще от волнения дрожат, хотя и сидят в теплом запечье. Со страхом они смотрят мне в глаза, а затем одна на другую, как бы спрашивая, идти к столу или нет. Они приходят и садятся к столу. Лью каждой в миску теплый суп и даю хлеб и рыбы консервы. Они едят суп, а консервы не трогают.

Когда спрашиваю, почему они не едят консервы, отвечают: «Мы не знаем, как такие вещи едят. Во весь свой век мы рыбу в банках не видели. Свежую рыбу, правда, иногда получали из Освейского озера, но это и все».

Беру кусок хлеба, кладу рыбу и, когда я начал есть, обе русские начали есть. Позднее мы узнали, что молодую зовут Наташей. Обе сестры. Когда они увидели, что людей ведут на расстрел, подлезли под печку, но затем немцы начали жечь деревню, тогда бросились искать спасения к нам. Они от партизан узнали, что мы говорим на их языке и живем недалеко.

Когда они поели, суем каждой почти силой стакан рома. После выпитых стаканов у обеих сестер дрожь проходит. Когда мы посылаем обеих спать, Маруся подходит к командиру роты и говорит: «Спасибо за все, что вы сделали, чтобы нас спасти. Теперь мы знаем, что пока мы вне опасности. Благодарим за это, мы предлагаем себя вам. Вы можете делать с нами, что хотите». И обе собираются целовать руку командиру.

Книга III. Рига.

Стр. 12.

Русские женщины панически боятся покойников. На похоронах русские женщины участвуют единственно как плакальщицы, а не в самих похоронных обрядах. Таких похорон, какие проходят обычно в рамках латышских обычаев, русские вообще не знают.

Стр. 16–37.

На Московской улице в Риге жили только русские, евреи и проститутки. Последние, по большей части, выходили замуж за русских офицеров и штатских чиновников. Теперь меньше слышно русского элемента. Слышна еще русская речь, но она теперь не единственная, как это было раньше. Когда отдаю письмо госпоже Макаровой, она рассказывает, что русские теперь стремятся говорить по-латышски или по-немецки.

— Посмотрите, как это получилось: раньше русские стыдились говорить по-латышски — латышский язык они считали простым. Теперь они стыдятся в глазах немцев говорить по-русски, и придет время, когда они сами начнут стыдиться своего народа, своего языка. — Так говорила госпожа Макарова.

Стр. 232. Луга. В военном госпитале вместе с власовцами

Все насельники моей комнаты — офицеры армии Власова, некоторые из них ранены, некоторые больны, другие, как видно, приехали, как в гостиницу, — просто пожить в свое удовольствие. Уже в первый вечер я смог познакомиться с власовцами. Когда врач заканчивает главный послеобеденный обход, все власовцы подпоясываются и отправляются в город. Только один, у которого нога в гипсе, остается. Теперь только вижу его шикарную форму. Она сшита из дорогой материи, которую я видел только у немецких генералов и офицеров генерального штаба. Плечи украшают золотые погоны, которые действительно выглядят красиво. Сапоги сшиты по мерке, по образцу польских кавалеристов. Одеты они тип-топ. Когда входит эстонка-сестра, я говорю:

— Они все выглядят, как генералы! Кто дает им эту шикарную форму?

— Они одеты по образцу старых царских времен по подписанному Гитлером приказу. Одеты они замечательно, но этого мало, если в этой форме дикари! Наши эстонские батальоны в потрепанных формах бегают по

лесам и хватают партизан, а эти здесь живут, как бароны. Нет ничего более ужасного, чем состоять здесь в персонале больницы. Вот вечером увидите, что здесь происходит. Когда эти звери придут домой, тогда вы познакомитесь с этими дикарями, одетыми в шикарную, блестящую форму, — говорит мне потихоньку сестра, чтобы тот, кто еще остался в помещении, не слышал.

Двери открыты, и в них — пьяный власовец-майор. Пальто и пиджак распахнуты, и в руках полувыпитая бутылка. Сначала он смотрит вокруг, затем подходит к раненому власовцу и сует ему бутылку. Не вижу, пьет ли больной или нет. Затем пьяный смотрит на меня, — подходит к кровати и сует мне бутылку ко рту. Когда я говорю, что не хочу и рукой закрываю рот, власовец сует мне палец в рот и затем льет содержимое бутылки. Это самогон, который льется в кровать. Когда бутылка пуста, майор размахивает и бросает бутылку с такой силой об стену, что осколки стекла летят в мою кровать. Звоню, но сестра не появляется. Затем входят остальные. У них тоже с собой бутылки, и они такие же пьяные, как и майор. Три власовца садятся на мою кровать, предлагают из своих бутылок. Когда отказываюсь пить, они сердятся и начинают меня ругать русскими двухэтажными словами, в промежутках называя меня немецкой свиньей. Не знаю, что делать, я все время держу руку на звонке. Наконец, вбегает сестра и по-русски приказывает отойти от моей кровати. Это власовцев очень сердит. Один из тех, кто сидел на моей кровати, в чине капитана, хватается за сестру и целует. Когда он отпускает голову сестры, кровь течет у нее изо рта. Когда сестра начинает бить его по лицу, он хватается за одежду сестры у груди и срывает одним рывком так, что сестра стоит совершенно голая перед нами. Все власовцы сочно смеются, а капитан, обругав ее сухой, старается схватить за груди.

В эту минуту входит жандарм и резиновыми плетками бьет власовцев, надевает на руки железо и уводит. Остальные со всей одеждой бросаются в кровать, и через непродолжительное время во всем помещении слышен храп пьяных людей. Через некоторое время опять появляется сестра Елена, уже приведшая себя в порядок, и говорит: «Видите, так у нас здесь происходит изо дня в день. Это просто невыносимо. Обычно другие сес-

тры убегают, и тогда мне с ними приходится справляться одной».

— Ну, жандармы всех проучат, — говорю я Елене.

— Ничего не проучат! Скоро они вернуться и вечером опять будут беситься. Видите, жандармы забрали только двоих, это так, для формы, чтобы доказать, что они что-то делают. В этом городе власовцам разрешено делать все. Не первый раз, когда они мне срывали всю одежду. Здесь работала белоруска Нина, которую они изнасиловали по меньшей мере десять раз. Она теперь в Пскове в больнице.

— Да, но где они берут деньги для пооек?

— Черт его знает! Кажется, что все русские и немцы делают все возможное, чтобы угодить власовцам. Немецкий и русский городской голова здесь торчат каждый день, а также все главное духовенство. Ужо вы сами увидите».

Когда входит главная сестра, спрашиваю:

— Разве действительно нет такой силы, которая могла бы этих дикарей поставить на место?

— Видите, что нет! У них здесь, в Луге, штаб с командующим генералом во главе. Он имеет право разговаривать с Берлином в любое время, когда только захочет. Так вот, мы их при помощи жандармов можем утихомирить только на короткое время, пока вылежат пьяную одурь, но не дольше.

— Разве они действительно больны?

— И этого мы не знаем. У них свои врачи, которые выписывают в больницу. Признаки такие, что в больницу выписываются те офицеры, которым нужно выбеситься.

Когда приближается полночь, власовцы начинают опять возвращаться. На этот раз они только подвыпивши. Некоторые, входя, поют, другие, взявшись друг за дружку, пляшут. Один из капитанов садится на пол, и остальные скачут через него. Шум огромный. Когда это продолжается после полуночи, больничным персоналом тушит свет. Сначала это у власовцев вызывает неудовольствие, и они рычат, как звери, но, раз никакой перемены не происходит, они медленно начинают лезть в кровать.

— Разве же вам эти шикарные господа не нравятся? — смеется главный врач. Если бы в Красной армии все так буйствовали, они дав-

но были бы расстреляны. Как только русский чувствует малейшую свободу, он ее использует безобразно. Не напрасно Петр Великий сказал, что русский народ надо держать под кнутом. Свобода русским может принести несчастье.

Стр. 309. На позициях под Волховым

Русские возницы тоже недовольны. Самим Рождеством они особенно не интересуются, ибо воспитаны в большевистском духе, но в напитках они все же были заинтересованы.

За два дня перед Рождеством прибывает СД-полиция и увозит русских, укреплявших наши окопы. Видя операцию СД, у меня мелькает мысль — как бы немцы не расстреляли несчастных людишек, которые и так выбились из сил, терпели голод и были больны. Когда вечером иду со станции, через дорогу, перебегают какой-то русский и исчезает опять в кустах. Как я понимаю, он бежит в сторону фронта. Позднее мы узнали, что немецкие СД этих русских действительно расстреляли. Это известие всех нас взволновало. Особенно воины первого полка очень возмущены, ведь те выполняли действительно огромную работу. Если в последнее время не приходится бояться снайперов, то за это надо благодарить русских рабочих. Особенно взволнован сержант Грабис, наш снайпер. Он так много перевязок сделал русским рабочим, что многих узнавал даже лично.

— Чего стоит теперь вообще воевать? Может случиться, что после войны немцы прикажут и нас расстрелять. Разве кто-нибудь удивится, если так поступают с рабочими, которые с пустыми животами в необычных условиях все же провели огромную работу.

— Будь добр и не думай так громко. Знай, что на этом фронте по обе стороны громко думать запрещено. Мне кажется, что нет в мире человека, который мог бы вынести этот болотный воздух. Недаром Петр Великий, когда начал строить Петербург, якобы сказал, что, кажется, он начал это дело в неверном месте, — отвечаю я Грабису.

— Что это теперь за Рождество — без водки, и еще надо смотреть, как расстреливают невинных рабочих! Что нам остается говорить теперь тем русским, которые у нас повозчиками? Может статься, что и они побегут в лес, — говорит старший сержант Орманис.

Когда прихожу на батарею, и Кеселис, и Блакис молчат. В тот же момент звонит Голлендерс:

— Ты уже слышал о том, что немецкий СД расстреливает русских рабочих?

— Слышать слышал, но не видел. Не могу утверждать то, что сам не видел, — отвечаю.

— Тогда у тебя так же, как у цыгана на суде: судья утверждает, что слышанного еще недостаточно, нужно видеть. Если узнаешь что-нибудь точнее, позвони мне, — говорит Юрис и кладет трубку.

Я знаю, что у Юриса самого в жилах русская кровь, поэтому эта акция немцев его волнует. Во-вторых, из-за «засухи», которая предполагается на праздники, он совершенно теряет терпение. Из разговора чувствую, что Юрка вдвойне рассержен.

Стр. 390.

— Ты говоришь, как будто был впервые в России! Клопы и вши принадлежат русской культуре, которую, как ты помнишь, вторгаясь в Латвию, они принесли нам. Как ты можешь вообразить себе Россию без вшей и клопов!? Хотя мы всего лишь в тридцати километрах от латвийской границы, все же это уже Россия. Правда, много здесь европейского, но многое подчеркивает и напоминает, что здесь уже Россия.

— Да, дома построены так же, как у нас в Латвии: отдельно жилая комната, спальня, кладовая и кухня. Не знаю, мы ли этому научились у русских или русские от латышей, — об этом я разговаривал с сестрой Суны.

— Не забывай, что во всем этом округе раньше по большей части жителями были латыши, литовцы, поляки и эстонцы. Во время Первой мировой войны здесь много было евреев и немцев, — рассказывает сестра Суны.

— Куда же они делись?

— Многие обрусели, особенно те, которые поженились с русскими. Русские презирают другие языки и всегда воображают, что их язык — тот самый, на котором говорили Адам и Ева. Евреи после революции уехали в Америку. Остальные после мирного договора вернулись в свои национальные границы, и многих большевики расстреляли и выслали в Сибирь, где они умерли в рудниках от голода и мороза.